Родион Белецкий

Писатель, драматург

Родион Белецкий. 2000 г.

Это была совершенно идиотская идея! Ничего лучше мы не придумали — после премьеры фильма «Выше радуги» в местном кинотеатре пошли по району гулять. Что творилось! Нас обступили люди. Девчонки пищали! Да, нас там всех чуть не разорвали от восторга! И я с изумлением смотрел, как ко всему этому Дима относился, как он вообще потом со всем этим жил. Это был поразительный человек, на него не действовала слава, она ему нравилась, но я не наблюдал никаких разрушительных последствий. В нем не было зазнайства или высокомерия. Я удивляюсь его стойкости — медные трубы — это ведь настоящее испытание. Но он не менялся. Оставался таким же легким, добрым, отзывчивым, компанейским. И прямым, он не любил врать.

Мы жили в одном доме. Я в подъезде номер четыре, он в подъезде номер два. Я на восьмом этаже, он — на пятом. В первый раз я его увидел в возрасте четырех лет, когда нас только стали выводить гулять. А когда нам исполнилось шесть-семь — нас начали одних отпускать (тогда так было принято), и мы уже носились огромной компанией. Район только строился. Да и не район это был вовсе, окраина города Тушино. Это сейчас Москва. Тогда было всего несколько новых домов — высотных, а вокруг двухэтажные коттеджи, которые строили еще пленные немцы, поэтому магазин, который был расположен в том квартале, назывался «немецкий». Вот — бегали «к немцам» за хлебом. А вокруг деревенские дома, с садами и огородами. И все это на берегу канала имени Москвы — из него мы магнитами всякие бесценные штуки доставали. Один раз вообще — крутой ножик-выкидуху! На кнопочку нажимаешь, лезвие выскакивает. Гордились страшно, ходили всем хвастались, пока у нас ребята постарше нож не отобрали. Мы даже плакали от обиды. А еще ранней весной какой-то мальчик пульнул мяч в канал. Лед уже раскололся — пошел, в воде плавали большие льдины. И этот парень пообещал десять солдатиков тому, кто мяч достанет. Мы стояли и ведь реально собирались это исполнить — допрыгать по льдинам до середины и обратно. Уж не знаю, что нас тогда остановило. Наверное, то, что мы нередко в канал проваливались, вечно приходили по пояс мокрые. Я один раз даже умудрился искупаться по шейку. За такие дела влетало. Наверное, предчувствие взбучки успокоило. А еще однажды мы забрались на крышу детского садика и собирались прыгать в сугроб. Прямо все решительно обговаривали. Друг друга подначивали. Очень долго сидели! А потом спустились, разгребли снег ногами и обнаружили, что никакой не сугроб это, груда металлолома чуть снежком припорошена. Вот опять — чудом уцелели.

Школа 123. Кабинет химии. 9 класс

У нас было прекрасное детство! Мы жгли костры, кидались какими-то палками, бегали, играли в прятки, в вышибалу. Зимой на канале гоняли в хоккей, без коньков — просто на валенках. Так и сложилась наша неразлучная троица. Тогда у всех были клички. У меня «Рация» (потому что Родион), у нашего друга Боброва — «Златарик» (вот почему?), а Димку прозвали «Фашист». Это потому, что он однажды вышел гулять в новой кепке. Ему тетя сшила. Зелененькую, с козырьком, а на макушке — пуговка. Очень напоминала немецкую военную, из летней формы. Люди у нас там жесткие жили, заводские — на хорошую кличку рассчитывать не приходилось, самое ласковое «Рахит». И хотя Дима сразу же кепку ту снял и никогда больше не надевал, словечко прилипло. Впрочем, теперь он все реже во двор выходил. Он теперь увлекся спортом. Все по секциям. И у всех это стало модным. Особенно гребля, бокс, плаванье. Мы хватались и бросали, а Дима нашел себе что-то интересное, начал из двора пропадать. Но все равно тусовались мы вместе — учились в одной школе. Он в классе «А», я в классе «Б». А потом мы неожиданно встретились на отборочном туре в школу номер 123. Оказалось, оба поступаем в театральный класс. И оба поступили! Вот тогда уж и «Златарика» нашего — Боброва, с собой затащили. Так и жили — каждый день на уроках, потом работа над спектаклями, а в придачу дорога туда/обратно, из центра до Тушино. Мы практически не расставались. Постоянно что-то придумывали и работали над разными постановками. Дима, конечно, обычно играл главную роль.

Дмитрий Марьянов. Кадр из фильма «Выше радуги». 1983 г.

Однажды на показ пришел Хилькевич (*российский режиссер Георгий Эмильевич Юнгвальд-Хилькевич*) — он искал героя для своего нового кино, увидел Димку на сцене и взял сниматься в фильме «Выше радуги». Это был 1983—1984 годы. Мы тогда жутко обзавидовались. И уехал Дима обычным человеком, а вернулся Марьянов со съемок в школу мега-звездой. Снимали они где-то в Прибалтике, и вот он такой приехал — в эстонских штанах с накладными карманами, на голове ежик, он за это время и вырос очень, а еще — научился танцевать брейк-данс. Это было круто! Просто убийственно! И все сразу тоже захотели так двигаться. Все как один стали заниматься, брать с него пример. И в этом танцевальном стиле мы даже поставили спектакль «Маугли» — с Димой в главной роли. Несмотря на то, что это был школьный спектакль, он стал заметным событием в жизни Москвы.

Участники спектакля «Доброй охоты» в театре «На Красной Пресне», Малый зал. 1985 г.

Прекрасное детство! Волшебная юность! Но, конечно, были и ссоры, и обиды. Помню, в школе ухаживал за одной девочкой. Ира ее звали. Мы были в шестом классе. И я как-то раз сел за ее парту, начали мы шушукаться и ручками с ней меняться. Диму это почему-то очень задело. Не знаю, может, она ему тоже нравилась? Он написал мне: «Белецкий — Олфонс». А я как начитанный мальчик подошел к нему и вежливо спросил: «Ты хоть знаешь, что альфонс с буквы „а" начинается?» Он прямо взбесился: «Да я тебе, Белецкий, сейчас просто в морду дам!» Мы долго не разговаривали.

Слева направо: Дмитрий Марьянов, Родион Белецкий, Юрий Бобров, Наталья Щукина. Театральная школа 123. Собрание класса. 1986 г.

А еще в театральной школе нужно было обязательно заниматься вокалом и учиться играть на музыкальных инструментах. Вокал, слух, да вообще музыка — это не про Марьянова. Но что делать? Задание выполнять надо, и решили мы, что Дима у нас будет на бас-гитаре. Делов-то... Пум да пум — два аккорда. Ну и мы погромче будем, его не услышат. Мы для девочек тогда в классе физики, потому что там

была кафедра — ну чтобы как на сцене, устроили концерт на Восьмое марта. Наш мужской бэнд исполнял песню «Мы вам честно сказать хотим, на девчонок мы больше не глядим...» Этот пыхтел, смотрел на гриф внимательно, чуть ли не пальцы слюнил от стараний, чтобы это свое — пум да пум. А в самом конце у мелодии должен быть проигрыш — финал. Типа: Там тарадарам — пам — пам. Нужно было это видеть! Теперь уже полная тишина и этот серьез, эти корявые пальцы и это соло на гитаре! Со скоростью ноты в час. Все полегли, просто повалились от смеха. Кульминация праздника!

Сцена из спектакля «Доброй охоты!» Дима Марьянов — Маугли, Влад Корнеев — Шерхан. 1986 г.

И всегда лазили по крышам. Всегда. Как в Тушино еще начали. Даже когда времени из-за спектаклей и репетиций почти совсем не было — в старших классах. Изучили все чердаки, развалюхи, весь недострой между Маяковкой и Тверской. Любимое развлечение — через заборы и на крыши. Хотя наш класс стал действительно крутым — «Маугли» был ультра-модным спектаклем, и мы много теперь ездили по разным фестивалям, всякие награды, премии. К концу школы были уже сплошные выступления, мы совсем ничего не успевали. Так вот, про обиды как раз — нас утвердили в массовку и увезли всем классом на съемки в Одессу. Естественно, как только мы приехали и расселились, сразу, конечно, решили стать взрослыми — выпить. И устроили мы что-то ужасное. В смысле тупо отравились алкоголем. Но только меня выгнали! Посадили обратно на поезд до Москвы. Виноваты все, а наказали только меня. Это было несправедливо. А Марьянов не пошел меня проводить. Вот за это я на него по правде обиделся. Вот что плохое я могу про него сказать.

В 1989 году на какое-то время мы потерялись. Я не поступил в театральный, а он поступил в Щукинское училище, и его почти сразу в армию забрали. В Вышний Волочок, в Военно-Воздушные силы. И попал он в учебку, по блату. А на следующий год и нас ведь туда с Бобровым отправили! Так что служили вместе. Только теперь мы уже были: Мар, Бобер и Бел. Когда мы пришли, Мар жил в постоянном составе и был в полном шоколаде. Нет, не «дед», конечно, но «черпак». Наладил там все связи и мог даже такой трюк проворачивать: приходил к нам в эскадрилью, отдавал офицерам честь, говорил, что он из постоянного состава и ему нужно срочно рядовых Белецкого и Боброва в офицерский клуб командировать. На весь день отмазывал! Мы практически постоянно в клубе офицеров тусили. Устраивали там праздники для офицерских жен и их дочерей. Кстати, поставили неплохой спектакль по «Василию Тёркину» — крутили самокрутки, читали стихи и песни пели. Были и капустники всякие — для солдат. Один раз пистон все-таки получили. Бобров такой чернявенький был, на Фредди Меркури похож, и я придумал на знаменитую песню «We will rock you, We will rock you» русские и актуальные слова — «Съем все сам, хоть лопну», про рядового в столовой. Бобер был полуголый и как бы Фредди. Он носился по сцене с флагом ВВС... Оказалось, с флагом так нельзя,

оскорбили честь. Но потом Димка нас вообще в оркестр пристроил, и служить стало легче в сто миллионов раз. К сожалению, через полгода его демобилизовали. Вышел указ «о высшем образовании», и он вернулся в училище, ну а мы остались.

Сцена из спектакля «Истина». Последняя совместная работа класса. 1987 г.

Когда я вернулся из армии, я был так зол на свою первую неудачу — слетел в прошлый раз с конкурса, что теперь поступил сразу в четыре театральных института. В ГИТИСе у меня просто документы отобрали, все — у нас учишься. Одновременно я поступал и во ВГИК, на сценарный. И когда прошел там — понял: да не хочу я быть никаким артистом! Со скандалом вырвал документы из учебной части театральной академии и стал учиться там, где все мне нравилось. Так окончательно понял, актерство — вообще не мое. А Дима уже блистал, он восстановился на курсе у Авшарова (*Юрий Михайлович Авшаров — актер и театральный педагог*). Курс этот был очень талантливый. Они самостоятельно еще во время учебы ставили спектакли, и в столице гремел их «Город мышей». История про безмолвных мышей, которые хоть и опасаются всего, но при всяком удобном случае собираются и играют вместе. Они выстраивали сложнейшие музыкальные композиции — играли на бутылках, держали ритм на спичечных коробках и шпагах, пользовались и музыкальными инструментами, а еще танцевали и дрались. Вся театральная Москва к ним ломилась. После окончания института ребята создали свой собственный театр «Ученую обезьяну» и много еще чего придумывали.

Слева направо: Родион Белецкий, Юрий Бобров, Борис Тенин, Дмитрий Марьянов. Репетиция танца к спектаклю «Доброй охоты». 1985 г.

В 1994 году я окончил ВГИК и устроился работать на телевидение. Был сценаристом программы «Сам себе режиссер». Дима тоже как раз закончил учиться, и вот эта его «Ученая обезьяна» играла все интермедии в программе, которую я писал. Долгой жизни у студенческого театра не получилось, все развалилось. Но Димку взяли в Ленком. И мы снова, и еще ближе с ним сошлись. На этот раз на почве: как все плохо. В 1996 году у нас у всех все было очень плохо. И как-то собрались мы втроем — Мар, Бобер и Бел на кухне. Сначала просто пили. А потом решили, что должны поехать в Иваново сейчас же — найти себе невест.

До Иваново оказалось слишком далеко. Мы сделали привал по дороге — в Лобне. Остановились в каком-то Доме отдыха и проторчали там три дня. А первый человек, которого мы там встретили, оказался французом. Он стоял посреди дальнего Подмосковья с бутылкой вина и, завидев нас, сказал: «О ля ля!» Оказалось, там вообще одни французы, приехали налаживать связи для продажи алкоголя или какую-то линию производства... Абсурд! И вся эта поездка ассоциировалась у меня с детством. Ничего непонятно, вокруг природа — ну как тогда. И мы опять куда-то бредем и лезем, проваливаемся под лед, разыгрываем кровати (проигравшему приходилось спать на полу). Из каждого самого крохотного события мы устраивали спектакль, из ничего незначащего разговора с прохожим извлекали великие истины. И опять нам женщины не давали. Мы подкатывали к каким-то девчонкам, а они над нами смеялись. Правда, оказалось потом, что это проститутки. Все это были какие-то новые шаги в познании мира, и вместе с тем мне нравилось, что все это было абсолютно бессмысленно. Меня именно это зацепило. А еще Марьянов каждый день ходил в магазин и подробно объяснял, что он вегетарианец, что он не ест мяса, а потом просил куриные крылышки. Чтобы потом сказать: курица — не мясо.

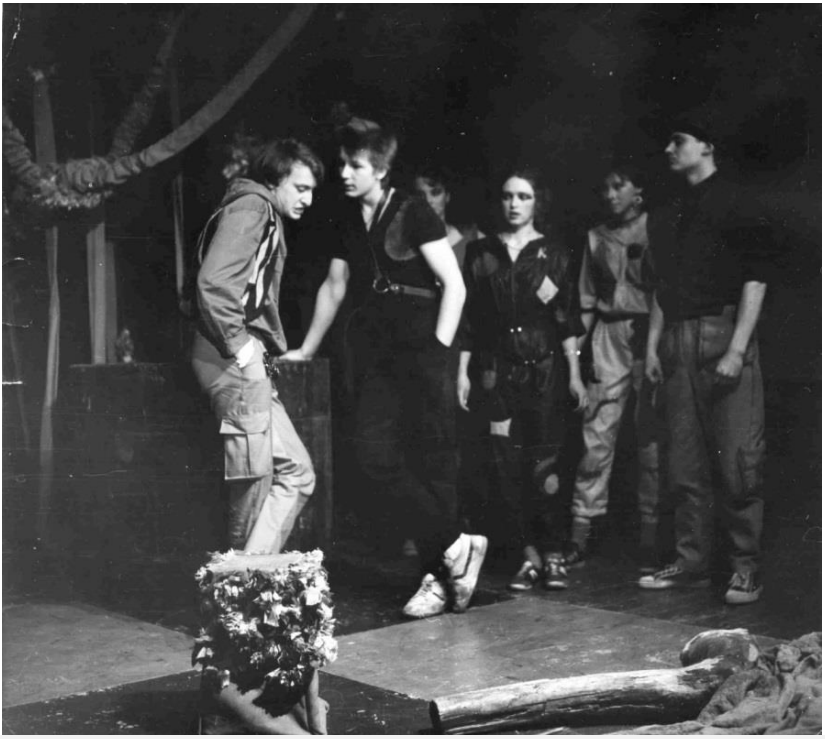
После этой поездки я написал повесть «Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова». И в ней почти нет преувеличений. Я даже боялся, что Димка обидится. Во-первых, я его Барановым назвал, во-вторых, меня беспокоило, как он отреагирует на пассаж: «У актеров все плохо, даже когда все хорошо». Но он очень гордился, что его описали в повести, и всем этим хвалился. «Про меня повесть написали, — говорил он. — А еще я прототип героя в пьесе „Молодые люди“». Ему очень это нравилось. И мне, потому что все правда.

Дима действительно был не просто героем повести, но стал прототипом в одной из моих первых пьес «Молодые люди». Я дал прочитать ее Мише Шевчуку, и тотчас было решено — ставить. Ребята играли двух разгильдяев, а у меня была роль скромника. Это история про то, как три молодых человека вызванивают какую-то девушку по телефону в два часа ночи, а в итоге дозваниваются до знакомой, которая оказывается влюблена в одного из них. Она приходит и начинает всех строить. Симпатичная комедия положений. Взялся за нее режиссер Сергей Виноградов, он тогда работал в театре Моссовета, но дело до производства не дошло. Кстати, пьеса оказалась удачная и до сих пор идет в театрах.

Юрий Бобров делает «геликоптер» на авансцене. Спектакль «Доброй охоты». 1986 г.

Впрочем, «дрим-тим» никогда не сдавался! Ребята снимались в «Графине де Монсоро», и мне пришло в голову, что Шевчук и Марьянов будут очень смешны в ролях двух дурных мушкетеров. У них было просто шикарное чувство юмора, и они очень хорошо друг друга понимали, один начинал — другой подхватывал. Я написал

для них сериал, восемь полноценных серий, под названием «Тупые шпаги». Главные герои Жабо (Марьянов) и Жульен (Шевчук) существовали в стилистике «трех мушкетеров», только все было еще тупее. Они были совсем никакие-никакущие, окруженные такими же идиотами-королями, их прислужниками и так далее. Зато хорошо дрались. Действие было щедро приправлено абсурдным юмором, и им это очень нравилось. Мы много лет ходили, предлагали, устраивали читки на радио, на каналах — пытались все это снять. А потом они выросли. Ушел тот момент, когда они были щенки такие — в хорошем смысле, резвые, с задором — очень подходили под это дело. Я даже недавно перечитывал, сценарий немного устарел, но можно было бы подправить и снять это сегодня. Вот если б только найти такую пару!



Сцена из спектакля «Доброй охоты». Влад Корнеев, Дмитрий Марьянов, Тина Лаптева, Ира Савельева, Борис Тенин. 1986 г.

А потом я женился. Мы жили в высотке на площади Восстания, и к нам почти каждый вечер приходил Марьянов. У нас ночевал. Заявлялся после спектакля, и мы допоздна играли в «Монополию». Это было очень счастливое время. Хотя наступил жестокий кризис. У меня совсем не было работы. Какие-то копейки я получал за то, что расставлял столики с утварью в церкви на Софийской набережной. Привозил к службе, расставлял, потом собирал и увозил. Женщины-богомолицы были слабенькие, им надо было помогать, вот ездил по всей Москве с этими столиками. И платили мне тоже из жалости.

Однажды чуть раньше приезжаю домой с работы, и... дверь мне открывает Марьянов в трусах. В моей квартире! Там жена моя! Она его очень любит! И трусы у него особые — с Бэтменом. Черные с желтым. Очень хорошо я это запомнил. Вот этот момент — прихожу я с работы домой пораньше, и стоит мой друг в трусах. Уж не знаю, то ли разыграть меня решил, то ли правда просто в душ шел, собирался спать ложиться. Но хохотали мы над этой историей очень долго. А еще Дима очень любил наших собак, он их затискивал, чуть ли не зацеловал, играл с ними, валялся, обнимал, за хвост таскал. Хорошо очень их понимал. И собаки от него просто балдели, как придет, так они от него не отставали, считали, что это их гость.

А еще помню, он приехал ко мне на своем новехоньком мотоцикле. Гордый такоооой! Спускаюсь вниз, он молча кивает типа: садись! Предложил прокатиться. Мы сели и неспешно проехали, сделали круг почета... Это было так странно, и было понятно, что этот момент очень важен. И это момент самой тесной нашей дружбы.

Нет, я никогда не мог ему позвонить и сказать: «Слушай, Димка! Мне так плохо...» Впрочем, я вообще никогда так не делаю. Я просто всегда знал, что он у меня есть. И утешал, помогал он не тем, что был готов вникать в чужие проблемы. Нет. Он был очень быстрый, легкий. Все понимал, чувствовал — мог приехать, рассказать какую-нибудь ерунду про себя или анекдоты потравить разные, и сразу становилось весело. Он подкупал своей искренностью, желанием и умением поднять настроение. В нем какая-то особая энергия жила. Рядом с ним все вокруг становилось проще, легче, веселее. Бесценные качества для актера. Я думаю, потому эта профессия ему так шла.

Сцена из спектакля «Истина». 1987 г.

Мне очень понравился с ним фильм «Любовь». Хороший был спектакль «Две женщины», но раскрылся он, когда вырвался из Ленкома. Уже в антрепризе. Превосходно работал в спектакле «Арт»! Но я его редко в работе видел. Я его с трех лет знаю, чего мне еще на него смотреть-то? Никаких сомнений — он превосходный и, главное, глубокий артист. Редкий. В нем было много комичного, и вместе с тем он способен был существовать по-настоящему драматично.

Последний раз мы увиделись совсем незадолго до его смерти. Я с семьей отдыхал в Израиле. Позвонил Димка, сказал сейчас приедет. И мы ужасно обрадовались. Он приехал на гастроли со спектаклем «Друзья» (*Режиссер — Юлия Меньшова. В ролях: Андрей Мерзликин — актер театра и кино. Заслуженный артист РФ. Константин Юшкевич — актер театра и кино, сценарист*). У них был обширный тур по стране,

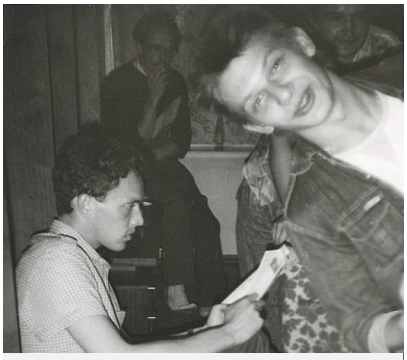
но два дня они провели в Тель-Авиве. Мы днем встретились, вечером пришли на спектакль, а потом жена меня отпустила, и мы отправились на шоу «Crazy Horse». Девчонки топ-лесс тоже приехали на гастроли. Только в Тель-Авиве для них нашлось всего два зрителя. Мы с Димкой. По-моему, мы были единственные на шоу, сидели за первым столиком. Потом почти всю ночь говорили.

«Друзья» был хороший спектакль. И пьеса замечательная — интеллектуальная комедия. Юля поставила ее в традиции, без излишнего балагана. Это история про трех друзей. Один из них покупает дорогую картину, второй обвиняет его в снобизме, а третий друг бегает между ними, принимает то одну, то другую сторону — он хочет их помирить. И это было очень смешно! Димка постоянно срывал аплодисменты. Партнеры рядом более чем достойные, но он постоянно их делал. С импровизацией у него, еще со школы, все было в порядке. Было очень весело! Их вообще прекрасно принимали! Овации!

Фото с гастролей спектакля «Друзья». Дмитрий Марьянов, Константин Юшкевич, Андрей Мерзликин. 2016 г.

Смешно даже! Память неустанно возвращает меня в Тушино. В эти дворики, на эти бесконечные чердаки и крыши... Помню, дед мне подарил новый велосипед. И только я с ним вышел — Марьянов и Бобров тут как тут. Сразу попросили: дай покататься! Я им объясняю: сам еще не катался. И потом меня в магазин послали, нужно очень быстро съездить в Универсам — купить белого и черного хлеба, а потом мигом обратно. Они меня уговорили, сказали, что сами съездят и купят. И чтобы я не волновался, заверили: один будет сторожить велосипед, другой хлеб покупать. И уехали. Не знаю, как я мог на такое согласиться! У меня же предчувствие было! И стоял, и стоял я у подъезда. Прошло больше часа. Уже почти стемнело... И вот вижу вдалеке Боброва и Марьянова. Несут хлеб в мешке и велосипед еле тащат — у него переднее колесо восьмеркой. Оказалось, по дороге они врезались в какую-то тетеньку и поранили ей ногу. Она затеяла серьезные разборки. Один с ней остался, второй — как обещал — за хлебом побежал, успел до закрытия. И пришлось мне потом получить от деда...

И ведь только много позже я понял — Дима был очень добрым человеком. Я ведь даже носил к нему белье стирать. У него у единственного в доме тогда была стиральная машинка. Поразительные люди — очень показательно, что вообще это была за семья. Я до сих пор им очень благодарен. Я приходил к ним с огромным пакетом, такой чумазый — я был из неблагополучной семьи, меня мама посылала стирать к Марьяновым, и когда я приходил, они меня тотчас за стол усаживали. Кормили-поили, а пока белье стиралось, расспрашивали обо всем. И мне было завидно.



В гостях. 1988 г.

Мне вообще все время было завидно. Постоянно. А кому не было? Рядом с ним всем и всегда. И очень странное это было ощущение — ведь мы всегда дружили, всегда на равных с ним были и вдруг его выделили, отделили и вознесли. Странное чувство. Ведь я любил его. Любил и... завидовал. Зато стал по-другому к славе относиться. Она потеряла свой волшебный блеск, и цену я ей знаю. Спасибо Господу, что я ее не познал. Она меня бы сломила. Диме она была по зубам. И, думаю, он так спокойно выдерживал ее, потому что его очень любили. У него была удивительная, очень любящая семья.